

*Научная статья**Научная специальность**12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»*

УДК 323.25

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2022.1.9>**ГРАЖДАНСКОЕ НЕПОВИНОВЕНИЕ:
ПОНЯТИЕ И КРИТЕРИИ ДОПУСТИМОСТИ**© **Шавеко Н. А., 2022**

Удмуртский филиал Института философии и права Уральского отделения РАН, г. Ижевск, Россия

Рассмотрен феномен гражданского неповиновения с точки зрения его моральной допустимости и политической оправданности, т. е. с позиций справедливости. Анализируются взгляды зарубежных политических теоретиков на гражданское неповиновение. Делается вывод, что последние обычно выделяют такие критерии допустимости гражданского неповиновения, как крайняя необходимость, вероятность успеха, соразмерность, правильный мотив, условно коммуникативный характер, публичность и ненасильственность акции, готовность понести за нее наказание. Далее критикуются указанные воззрения. Высказывается позиция, что лишь крайняя необходимость и соразмерность являются убедительными критериями моральной оправданности гражданского неповиновения. Определено, что правильный мотив и условно коммуникативный характер являются признаками гражданского неповиновения, а не критериями его допустимости, а ненасилие, публичность и готовность принять наказание – это лишь проявления коммуникативной направленности. Далее анализируются взгляды отечественных правоведов. Показывается, что распространенное среди них мнение, согласно которому нарушение закона допустимо только в случаях явной и крайней несправедливости данного закона, является поверхностным и не учитывает, например, случай, когда незначительное нарушение закона оказывается единственным средством, способствующим исправлению незначительных несправедливостей, и при этом не подрывает правопорядок как таковой. Помимо этого, опровергается позитивистский тезис, что нарушение закона в принципе не может быть допустимым. Гражданское неповиновение обосновывается пониманием социума как инструмента стремления к справедливости. Утверждается, что для того, чтобы социальная система способствовала справедливости, она должна быть одновременно незыблемой и гибкой. Сделан вывод о том, что социальная норма всегда является компромиссом между абстрактностью и конкретностью: относительная абстрактность закона есть действенный способ пожертвовать конкретностью как таковой (справедливой или несправедливой) с целью обеспечить хотя бы частичную справедливость. Указывается, что необходимо найти оптимальный баланс абстрактности и конкретности, с другой стороны, необходимо также определить последствия несоблюдения не соответствующего оптимуму закона.

Ключевые слова: гражданское неповиновение, справедливость, стабильность, правонарушение.

CIVIL DISOBEDIENCE: THE CONCEPT AND THE CRITERIA FOR ADMISSIBILITY© **Shaveko N. A., 2022**

Udmurt Branch of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation

The article examines the phenomenon of civil disobedience from the standpoint of justice. The views of foreign political theorists on civil disobedience are analyzed. It is concluded that foreign authors usually identify such criteria for the admissibility of civil disobedience as extreme necessity, probability of success, proportionality, correct motive, semi-communicative nature, publicity and non-violence of civil disobedience, and the readiness to be punished for it. Further, these views are criticized. The point of view is expressed that only extreme necessity and proportionality are convincing criteria for the moral justification of civil disobedience. In turn, the correct motive and semi-communicative character are justified as signs of civil disobedience, not as criteria for its admissibility. At the same time, non-violence, publicity and readiness to accept punishment are considered only as manifestations of the semi-communicative nature of civil disobedience. Further, the views of domestic jurists are analyzed. It is shown, in particular, that the widespread opinion among them, according to which violation of the law is permissible only in cases of obvious and extreme injustice of this law, is superficial, and does not take into account, for example, the case when a minor violation of the law is the only mean contributing to the correction of minor injustices, but does not undermine the rule of law as such. In addition, it refutes the positivist thesis that violation of the law cannot be admissible. Civil disobedience is justified by the understanding of the social system as “striving for justice”. It is argued that for a social system to promote justice, it must be both firm and flexible. It is concluded that the social norm is always a compromise between abstractness and concreteness: the relative abstractness of the law is an effective way to sacrifice concreteness as such (fair or unfair) in order to ensure at least partial justice. It is indicated that it is necessary to find the optimal balance of abstractness and concreteness, on the other hand, it is also necessary to determine the consequences of non-compliance with the law that does not correspond to the optimum.

Keywords: civil disobedience, justice, stability, offense.

Введение

Философы издревле обсуждали вопрос о том, допустимы ли сопротивление законной

власти и восстание против нее. Зачастую данный вопрос поднимался в контексте противопоставления естественного и позитивного права.

Как правило, предполагалось, что не соответствующие естественному (божественному и т. п.) праву позитивные законоустановления не имеют юридической силы и не подлежат реализации. Отсюда, хотя бы и в самых исключительных случаях, право на восстание против власти и/или ее установлений считалось теоретически допустимым (Аквинский, Гроций, Гоббс, Локк, Руссо и др.), хотя встречались и противоположные позиции (Спиноза, Кант и др.). В современных конституционно-демократических государствах более актуальным является вопрос допустимости не мятежа, а гражданского неповиновения. Под гражданским неповиновением следует понимать умышленное нарушение закона с целью привлечения общественного внимания к проблеме, требующей внесения изменений в законодательство или политический курс, но без цели свержения власти и демонтажа правопорядка (разрушения государства) в целом. Мыслители активно обсуждают и критерии допустимости гражданского неповиновения, и возможные карательные меры, которые власти могут принять в качестве ответа на подобные акции. Обоснования и субъективного права на революцию, и субъективного права на гражданское неповиновение представляют собой вызов такой общепризнанной ценности объективного права, как стабильность, и фактически представляют собой рассуждения о том, в каких случаях ценность стабильности начинает уступать место другим ценностям.

Материалы и методы исследования

Далее будут приведены позиции ведущих западных ученых по проблеме гражданского неповиновения. Кроме того, будут проанализированы взгляды отечественных ученых на вопрос допустимости нарушения закона в контексте проблемы гражданского неповиновения. В первую очередь нас будут интересовать нормативные, а именно моральные аргументы. Исследование будет проводиться в соответствии с общенаучными принципами историко-правового анализа (историзм, объективность, всесторонность, критичность в восприятии материала и др.), с использованием важнейших методов историко-правового познания (историко-генетический, логический, системный и др.), а также других общенаучных и специальных приемов, свойственных историко-правовым исследованиям.

Результаты исследования

Моральные обоснования гражданского неповиновения в зарубежной научной литературе. Сразу оговоримся, что, начиная с Дж. Ролза, как правило, рассматривается лишь ситуация «почти справедливого государства», в котором

все же случаются «серьезные нарушения справедливости» [11, с. 319–320]. Именно поэтому речь идет о ненасильственных действиях, нарушающих закон при одновременном утверждении общей веры в законность. Ситуация ненасильственного сопротивления легальной власти (например, путем восстания или мятежа, если власть тираническая) не рассматривается, хотя при разрешении обеих ситуаций, как правило, используется общий принцип соразмерности. Вместе с тем в научной литературе в порядке критики взглядов Дж. Ролза отмечается, что дискуссии о допустимости гражданского неповиновения можно было бы расширить на недемократические страны: «Случай Сербии показывает, что действие путем применения такой эволюционной и реформенной стратегии может быть направлено не только против воли большинства тех, кто стоит за определенными законами и политическими решениями, т. е. тех, кто их принял, но и против воли (самоволия) политической власти, которая, игнорируя волю большинства в обществе, потеряла свойство легитимности» [8, с. 45]. Аналогичный вывод делается на примере деятельности Махатмы Ганди [3]. Таким образом, взгляды Ролза следует скорректировать в том отношении, что гражданское неповиновение подразумевает не «почти справедливое государство», а скорее более-менее развитое критически мыслящее гражданское общество. Более того, в обществе, где предоставлены и должным образом обеспечены политические права, обоснованность гражданского неповиновения как раз менее очевидна [20, р. 272–273].

В каких же случаях Дж. Ролз считает гражданское неповиновение допустимым? Ученый обращает внимание на то, что гражданское неповиновение – это, во-первых, *ненасильственная* и *публичная* акция, в которой *ненасильственность* и *публичность* (и тем самым *готовность понести наказание*) выступают гарантом *искренности и уважения к закону*, во-вторых, *апелляция к справедливости* (а именно чувству справедливости большинства граждан), а не к частным интересам или религиозным доктринам, что исключает *апелляцию к воззрениям*, которые наверняка не получают всеобщего одобрения, а также проявление гражданского неповиновения в случаях, когда члены общества не обладают достаточным чувством справедливости, чтобы воспринять соответствующий посыл [7, с. 398]. В итоге гражданское неповиновение в общих чертах допустимо, по мнению автора, только в случае *вопиющего (явного и серьезного) нарушения принципов справедливости* (в первую очередь принципа равной свободы и принципа честного равенства возможностей, потому

что нарушение принципа различия установить сложнее), когда *исчерпаны (или являются явно неэффективными) законные способы решения проблемы и отсутствует риск возникновения серьезных беспорядков*, влекущих исчезновение уважения к закону как таковому и к самой конституции общества (право на несогласие одних, таким образом, ограничивается правами других) [11, с. 326–331, 339]. При этом Ролз делает оговорку, что возможны иные ограничения на проявление гражданского неповиновения. Гражданское неповиновение, по мнению данного ученого, как правило, содействует утверждению стабильной справедливости, поэтому члены общества должны согласиться на некоторые критерии, при которых оно оправданно (т. е. юридическая ответственность должна быть смягчена или исключена), хотя и представляет собой нарушение закона [Там же, с. 336]. (Таким образом, правонарушение парадоксальным образом способствует утверждению права как фактора социальной стабильности.) Если же использование гражданского неповиновения ведет к серьезным беспорядкам, ответственность лежит не на тех, кто протестует, а скорее на тех, чье злоупотребление должностью вызывает подобную позицию [Там же, с. 342]. Это последнее замечание, как мы полагаем, несколько противоречит условию допустимости гражданского неповиновения, которое сам же Ролз и выдвинул, а именно условию отсутствия риска серьезных беспорядков, но все же их можно согласовать. Так, ответственность лежит на обеих сторонах, но по различным основаниям: на активистах – если они не соблюдают принцип соразмерности, на правительстве – если оно не предотвращает ситуации, при которых широкомасштабное гражданское неповиновение становится допустимым. Для американского ученого гражданское неповиновение в целом оправдано в той мере, в какой оно способствует утверждению принципов справедливости более, чем существующий строй.

Большинство современных авторов восприняло основные идеи ролзовской теории гражданского неповиновения. Так, О. Хёффе в перечне условий допустимости гражданского неповиновения называет исчерпанность средств демократической оппозиции и готовность понести наказание [14, с. 64], Ю. Хабермас – исчерпанность правовых способов, убедительность сопротивления с точки зрения конституционных принципов и отсутствие насилия («символический» характер неповиновения) [13, с. 239], Р. Дворкин – несправедливость оспариваемых законов, соразмерность несправедливости и неповиновения, а также готовность понести нака-

зание [5, с. 255]. Конечно, более пронизательные авторы, следуя непосредственно Ролзу, замечают, что «правовые» средства могут быть неисчерпаемыми в принципе и важно лишь ясное осознание их неэффективности [21] (так называемый критерий крайней необходимости), но в целом западные мыслители в рассматриваемом вопросе находятся в рамках одной парадигмы. Эта парадигма предусматривает целый ряд критериев допустимости гражданского неповиновения, напоминающих критерии справедливости войн. Среди таковых:

- 1) крайняя необходимость;
- 2) вероятность успеха;
- 3) соразмерность;
- 4) правильный мотив;
- 5) условно коммуникативный характер [18].

Несколько слов в пояснение данных критериев. О критерии крайней необходимости уже сказано выше: до того, как прибегнуть к гражданскому неповиновению, следует оценить эффективность менее разрушительных, рискованных и опасных (неочевидных) средств (по нашему мнению, легальность того или иного средства здесь должна учитываться лишь как один из факторов). Критерий вероятности успеха, мы полагаем, охватывается более общим критерием соразмерности, поэтому эти два критерия можно объединить. Соразмерность же в общих чертах предполагает, что конкретная мера, связанная с нарушением закона, с разумной очевидностью будет иметь больше положительных, чем отрицательных (в том числе расшатывание правопорядка и т. п.) следствий. Крайняя необходимость и соразмерность вообще есть важнейшие критерии гражданского неповиновения. Именно они отвечают на центральный вопрос: когда именно обязанность противостоять справедливости перевешивает обязанность соблюдать законы (причем речь в философских дискуссиях идет, как правило, именно об обязанности, а не о праве на гражданское неповиновение). Что касается правильного мотива и условной коммуникативности, то они скорее определяют понятие гражданского неповиновения, чем устанавливают ограничения для него. Правильный мотив, как мы полагаем, не столь значим в теории справедливой войны, но в теории гражданского неповиновения играет ключевую роль: так, правонарушение, совершенное не ради справедливости, а ради частных интересов, не может называться гражданским неповиновением и должно повлечь стандартную юридическую ответственность. Наконец, последний – пятый – критерий, а именно критерий условной коммуникативности (условной – поскольку гражданское неповиновение

сочетает коммуникативное и стратегическое действие), в наибольшей степени корректирует взгляды Ролза. Дело в том, что данный ученый отмечал такие условия гражданского неповиновения, как ненасилие, публичность и готовность принять наказание. Но, по всей видимости, эти условия следует рассматривать лишь как относительные маркеры более общего критерия – особого рода коммуникативности действия (т. е. обращенности на Другого, попытки «педагогического» влияния на него), выражающего убеждение в необходимости и желание изменить отдельные элементы правопорядка. Критики Ролза, например, указывают на необоснованность такого условия гражданского неповиновения, как отсутствие насилия: во-первых, понятие насилия многозначно (как быть с насилием над собой, повреждением имущества или психическим насилием?), во-вторых, ненасильственные действия порой наносят больше вреда, чем насильственные (например, забастовка работников скорой помощи), в-третьих, с помощью умеренно насильственных мер вполне возможно выразить свою гражданскую позицию относительно политики и законодательства, сохраняя уважение к правопорядку как таковому (по крайней мере, восстановить возможность коммуникации). Отсюда ненасилие – это весьма размытое и относительное условие коммуникативности акта гражданского неповиновения. С аналогичных позиций могут быть рассмотрены публичность и готовность понести наказание. Так, например, Б. Г. Капустин верно отмечает, что «готовность принять наказание может быть понята в контексте гражданского неповиновения как целесообразная тактика действий», но ни в коем случае не в качестве морального критерия [7, с. 394]. В свою очередь, публичность не должна пониматься как требование заранее сообщать о своих противоправных действиях, поскольку это может сделать гражданское неповиновение невозможным в принципе, или во всех случаях раскрывать свою личность, поскольку это не всегда требуется для коммуникации [19]. Кроме того, требование публичности может допускать не только апеллирование к аргументам, которые поддерживаются адресатом, но и попытку изменить его ценности и «социальные привычки интерпретации» [17].

Р. Дворкин подробно рассмотрел вопрос о том, какие действия вправе и должно применить государство к лицу, нарушающему закон по велению совести. Его личный ответ на него состоит в том, что «оценивая серьезность грозящего зла, необходимо делать скидку на вероятность его осуществления» [5, с. 267], т. е. не всегда отсутствие наказания за гражданское

неповиновение грозит воцарением всеобщей анархии, напротив, оно может демонстрировать уважительное отношение государства к основным правам [Там же, с. 282]. Таким образом, Дворкин полагает, что не только смягчение наказания, но и освобождение от наказания в определенных случаях допустимы.

Помимо того, что нельзя наказывать за несоблюдение неконституционных законов, и того, что сам закон может содержать различные основания освобождения от ответственности, ученый выдвигает и другой (не предусмотренный законом) случай, при котором нарушитель может избежать наказания. Дворкин считает, что если гражданин следует своему взвешенному пониманию закона, допускающего различные толкования (пусть даже это понимание противоречит правоприменительной практике и решениям высших судов), то в случае нарушения данного закона государство должно «стараться защитить такого гражданина и смягчить то затруднительное положение, в котором он находится, всякий раз, когда это можно сделать без большого ущерба для осуществления других стратегий», хотя и «не может взять за правило не подвергать судебному преследованию всех тех, кто действует из соображений совести, или не приговаривать к наказанию всех тех, кто выражает разумное несогласие с мнением суда» [Там же, с. 293–294]. Это очень гибко сформулированное мнение, и, несмотря на подкрепление своей позиции примерами, ученый не дает более точных формулировок, что осложняет критику данной позиции.

Вопрос, который Р. Дворкин, к сожалению, вообще не ставит, таков: как быть с лицами, намеренно нарушающими достаточно ясно сформулированный закон, который они считают пусть и полностью соответствующим конституции, но все же несправедливым, с целью обратить внимание общества на данный закон и добиться его отмены? Понятно, что человек, прибегающий к такой политической акции, должен быть осмотрителен в суждениях и действиях, а также быть готовым понести наказание, но что должно делать государство, если применительно к данному случаю основания для освобождения от ответственности в законодательстве отсутствуют? Представляется, что решение проблемы может быть в целом найдено в том же русле, и все же следует отличать описанного Дворкиным «добросовестного нарушителя» от описанного нами «эпатажного нарушителя», к которому предъявляются более жесткие требования. В конечном счете и в том, и в другом случае речь, по сути, идет о том, чтобы учитывать добросовестность и мотивы нарушителя.

Таким образом, мы видим, что в западной литературе обсуждаются как моральные критерии гражданского неповиновения, так и его правовые последствия.

Моральные обоснования нарушения закона в отечественной научной литературе. К сожалению, в отечественной научной литературе публикации относительно проблемы гражданского неповиновения относительно редки. Вместе с тем среди дореволюционных и современных правоведов отмечается определенная дискуссия о возможности нарушить закон в интересах целесообразности, нравственности или какого-либо иного идеала (очевидно, что данная проблема шире проблемы гражданского неповиновения, так как рассматривает возможность нарушения закона вообще, а не только конкретной формы такого нарушения). Рассмотрим указанный вопрос, чтобы выяснить, проливает ли он свет на критерии допустимости гражданского неповиновения.

Среди юристов доминирует, конечно, позиция приоритета законности. Ученые, по существу, едины в том, что «самое целесообразное решение – это решение, основанное на законе, и вопрос о целесообразности может ставиться только в рамках закона» [10, с. 470], а «в праве, в законе выражается высшая целесообразность» [16, с. 486]. Однако в некоторых случаях это мнение дополняется постулированием такого требования законности, как своевременное обновление законодательства в соответствии с потребностями общества [12, с. 405]. При этом принцип законности фактически расширяется до принципа справедливости. Таким образом, вопрос соотношения законности и целесообразности сложен и неоднозначен. «Сторонников законности всегда отпугивал произвол суда и администрации при допущении малейшей возможности отхода от закона. Приверженцев целесообразности отталкивает бездушное понимание правовой нормы, “правильное по закону, а по существу издевательское”» [10, с. 471].

Существо проблемы удачно выразил Г. Ф. Шершеневич, который писал: «Применение норм права по началу справедливости или целесообразности уничтожает всякое значение издания общих правил. Возражения против принципа законности – это возражения против самой нормы. Норма сама по себе есть отрицание конкретности. И если устанавливают норму, то именно потому, что опасаются конкретного многообразия. Нападать на начало законности – значит настаивать на восстановлении того, что норма призвана была устранить. Если законы должны быть исполняемы в точности лишь до тех пор, пока они не сталкиваются с чувством

справедливости, пока они не приводят к нецелесообразным результатам, то, спрашивается, зачем вообще издавать законы?» [15, с. 617]. Но если сам Шершеневич усматривал в сказанном не только существо, но и решение проблемы, то мы полагаем, что *данные рассуждения лишь показывают необходимость найти баланс между законностью и справедливостью.*

Поясним данный тезис. Цель нормативной системы, как представляется, состоит в *максимальном воплощении справедливости.* Для этого нормативная система должна быть одновременно *незыблемой и гибкой.* Поэтому *социальная норма суть компромисс между абстрактностью и конкретностью, а не отрицание конкретности,* как думает Шершеневич. Проблема заключается в том, что не всегда легко определить, в какой точке находится этот *оптимальный баланс абстрактности и конкретности,* позволяющий достичь максимальной справедливости: поскольку мнение законодателя может быть ошибочным, постольку *закон может быть далек от оптимума, и отсюда его конфликт со справедливостью.* Современная политическая теория в делиберативной демократии видит действенный способ снизить риск подобных ошибок (причем гражданское неповиновение многими исследователями рассматривается как необходимый элемент делиберации!). Другая же проблема состоит в том, что *даже в указанных «неоптимальных» ситуациях (когда закон не воплощает справедливость в максимально возможной мере, так как недостаточно или чрезмерно гибок) нарушение закона может лишь увести нас еще дальше от справедливости,* и соответствующие последствия тоже не всегда легко определить. Обычно мыслители решают эту проблему указанием на то, что закон не подлежит исполнению только в случае его крайней и очевидной несправедливости. Рассматривая проблему слишком широко, они не видят, например, возможности нарушения справедливого закона с целью обратить общественное внимание на другой, несправедливый, закон и не оценивают реальные шансы изменить положение дел легальными средствами: проблема гражданского неповиновения ускользает от них.

Сказанное приводит нас к выводу, что в вопросе о соотношении законности и справедливости/целесообразности мы имеем две – пусть и взаимосвязанных – проблемы, а не одну, и решаются они в различных (хотя и учитывающих друг друга) научных дискурсах. В обоих случаях решения данных проблем неоднозначны ввиду сложности расчетов и прогнозирования масштабных социальных процессов. Но важно понимать, что изначальная абстрактность зако-

на и конкретность справедливости не препятствуют применять критерий справедливости по отношению к закону (а не только, например, к судебному решению), ведь *абстрактность закона есть действенный способ пожертвовать конкретностью как таковой (могущей быть справедливой или несправедливой) с целью обеспечить хотя бы частичную справедливость*, и чем более закон способствует воплощению справедливости, тем более он справедлив.

Конечно, важно помнить то, что, если каждый член общества будет вести себя противоправно каждый раз, когда он твердо убежден в неразумности (безнравственности и т. п.) права, подорвутся самые основы общественного порядка [10, с. 472]. Есть рациональное зерно в той позиции, что «допущение отхода от принятых законов и обхода или нарушения их под предлогом целесообразности всегда чревато серьезной угрозой правовому порядку в целом» [4, с. 134]. Типична в этой связи позиция С. С. Алексеева, который утверждал: «Малейшее, само будто бы вполне оправданное по соображениям морали или целесообразности отступление от строжайшего соблюдения и исполнения действующих юридических норм приводит к страшной беде – *разрушению законности вообще*» [1, с. 40]. Нивелировка права ведет к социальному хаосу. И. А. Ильин верно писал: «В большинстве случаев люди стараются перетолковать закон в свою пользу, а иногда и прямо извратить его смысл» [6, с. 319]. К этому следует добавить, что даже в отсутствие подобных стремлений нередко встречаются ситуации, когда для определения целесообразности поступка одного лишь стремления к разумности и беспристрастности недостаточно, разум «дает сбой». Именно в этих случаях на помощь должно приходиться правовое сознание, которое видит такие преимущества права, как возможность государственного принуждения, четкость формулировок, профессиональность регулирования и т. д. Таким образом, важно помнить, что нам могут не нравиться отдельные правовые нормы, но в подавляющем большинстве случаев это лучше, чем их отсутствие или демонстративное их нарушение. Лишь в исключительных случаях «бунт» может быть оправдан.

Более того, даже если гражданское неповиновение оправдано с точки зрения общественного мнения или идеала справедливости, оно все же остается неоправданным с юридической точки зрения. Отсюда любой правонарушитель должен ясно видеть неотвратимость юридической ответственности за свои действия, иначе само право теряет смысл. В то же время С. С. Алексеев отмечает, что если *«сам факт нарушения*

любого закона (как бы мы ни осуждали его по мотивам “устарелости” или “нецелесообразности”) *должен быть зафиксирован всегда*», то «применение последствий за такого рода нарушения, например использование карательных санкций, должно следовать по существующим юридическим процедурам *не всегда*» (курсив мой. – Н. Ш.), одновременно указанные факты должны стать «основанием для того, чтобы в практическом порядке началось рассмотрение вопроса об обоснованности закона, о необходимости его отмены или внесения в него изменений» [1, с. 40].

С. С. Алексеев, опираясь на И. А. Покровского [Там же, с. 18–22], полагал, что в наиболее абстрактном виде термин «право» обозначает «социально оправданную свободу поведения» и существуют права, не закрепленные ни в законе, ни в общественной морали, но «которые непосредственно вытекают из социальной жизни» [2, с. 61]. Эти права и совершаемые на их основе действия могут быть обоснованы лишь своей социальной полезностью. Как пишет ученый, они «социально оправданы», оправданы тем, что прямо выражают объективные законы, требования соответствующих объективных закономерностей и интересов» [Там же, с. 62]. Разумеется, они «могут стать “оправдательной основой” для произвола, самочинных действий», поэтому их влияние на право «в соответствии с началами законности должно осуществляться в адекватных ей формах, т. е. через правотворчество или надлежащие формы юридической практики» [Там же, с. 64]. Но суть в том, что эти права объективно существуют и не могут быть отчуждены, и, если закон отказывается их признавать, они силой вторгаются в его сферу через революционное правосознание. С. С. Алексеев акцентирует внимание именно на позитивном праве. Что же касается общественной морали, то аналогичные суждения имеются у П. И. Новгородцева: «Поступать сообразно с общей нормой, но вопреки своему нравственному решению для нравственно развитой личности представляется... невыносимым внутренним противоречием... Принудительная система нравственности в случае несогласия лица с общими требованиями не оставляет иных выходов, как лицемерие для слабых и мученичество для сильных. Отнимая у человека возможность делать добро по собственному побуждению и постичь истину силой собственного внутреннего развития, она, в сущности, преграждает доступ к высшему нравственному совершенствованию» [9, с. 109]. Подобно С. С. Алексееву, в случае неучета целесообразности ссылавшемуся на революционное правосознание, П. И. Новго-

родцев, в случае неучета нравственного сознания, пишет о неизбежности социальных протестов. Оба мыслителя, в сущности, пытаются обратить внимание масс на достаточно важный аспект правового и нравственного сознания и воспитания, который П. И. Новгородцев формулирует следующим образом: «Важно, чтобы для личности оставалась возможность поступить по-своему и в иных случаях войти в противоречие с общественными требованиями во имя сознания высшей правды» [9, с. 110].

Таким образом, и в дореволюционной и современной российской юриспруденции отмечалась важность института гражданского неповиновения как «лакмусовой бумажки» справедливости (общественного идеала). При всей важности принципа законности наши правоведы не забывают о том, что в определенных ситуациях юридическая ответственность за нарушение закона не была бы справедливой, поскольку создавала бы препятствия активным стремлениям к справедливости.

Обсуждения и заключения

Подведем итог. В западной научной литературе обычно выделяются следующие критерии допустимости гражданского неповиновения: 1) крайняя необходимость; 2) вероятность успеха; 3) соразмерность; 4) правильный мотив; 5) условно коммуникативный характер.

Однако подробный анализ данных принципов позволяет заключить, что действительно обоснованными критериями являются лишь крайняя необходимость и соразмерность. Именно они являются теми ориентирами, которые позволяют найти оптимальное сочетание стабильности и справедливости. В свою очередь, правильный мотив и условно коммуникативный характер являются признаками гражданского неповиновения (т. е. определяют его как понятие), но не критериями его допустимости. Причем такие признаки гражданского неповиновения, как ненасилие, публичность и готовность принять наказание, в действительности являются лишь вариациями (проявлениями) условно коммуникативного характера гражданского неповиновения, причем вовсе не обязательными. Гражданское неповиновение в целом обосновывается пониманием социальной системы как инструмента стремления к справедливости. По всей видимости, наличие аргументов, оправдывающих гражданское неповиновение, указывает на то, что в действующем законодательстве следует предусматривать возможность освобождения от ответственности за отдельные правонарушения, если в действиях нарушителя усматриваются признаки гражданского

неповиновения, отвечающего вышеуказанным критериям. Однако для того, чтобы социальная система действительно способствовала справедливости, она должна быть одновременно незыблемой и гибкой. Поэтому социальная норма всегда суть компромисс между абстрактностью и конкретностью: относительная абстрактность закона есть действенный способ пожертвовать конкретностью как таковой (могущей быть справедливой или несправедливой) с целью обеспечить хотя бы частичную справедливость. Проще говоря, даже самый справедливый закон справедлив лишь для подавляющего большинства, но не для всех случаев его применения. Отсюда, с одной стороны, необходимо найти оптимальный баланс абстрактности и конкретности (чем ближе закон к оптимуму, тем более он справедлив, так как оказывается справедливым в большем числе случаев), с другой стороны, необходимо также определить последствия несоблюдения не соответствующего оптимуму закона (не будет ли такое несоблюдение еще дальше уводить нас от оптимума?). Вопреки распространенному мнению, сказанное вовсе не означает, что нарушение закона допустимо только в случаях явной и крайней несправедливости. Соотношение стабильности и справедливости в действительности гораздо сложнее.

Вышеприведенные выводы имеют прямое отношение к российской системе права. В настоящее время наше законодательство содержит крайне скудные положения, позволяющие гражданину избежать ответственности за допущенное правонарушение. Сюда можно отнести, например, малозначительность административного правонарушения (ст. 2.9 КоАП РФ¹), а также ряд обстоятельств, смягчающих уголовное наказание (пп. «д», «з», «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ²), но ни одно из них прямо не связывается законодателем с выражением нарушителем своей гражданской позиции. В то же время ответственность за нарушение законодательства о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании (ст. 5.38 КоАП РФ), а также за нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования (ст. 20.2 КоАП РФ, ст. 212.1 УК РФ) представляется чрезвычайно суровой и неоправданно сокращающей возможность обоснованного гражданского неповиновения.

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. М.: Статут, 2010. 495 с.
2. Алексеев С. С. Теория права. М.: БЕК, 1994. 224 с.
3. Априян Р. Г. Гражданское неповиновение – в политической теории и социальной практике (Джон Ролз и Мохандас Ганди) // *Насилие и ненасилие: Философия, политика, этика*. М.: Фонд независимого радиовещания, Ин-т «Открытое о-во» (Фонд Сороса), 2003. С. 54–70.
4. Грищенко Л. Л., Гладких В. И. О современных принципах правового обеспечения охраны общественного порядка и общественной безопасности // *Вестник ГУУ*. 2013. № 8. С. 132–137.
5. Дворкин Р. О правах всерьез. М.: РОССПЭН, 2004. 392 с.
6. Ильин И. А. Почему мы верим в Россию: соч. М.: Эксмо, 2007. 909 с.
7. Капустин Б. Г. Моральный выбор в политике. М.: Изд-во Московского университета, 2004. 496 с.
8. Минович А. Ограничения и несостоятельность концепции гражданского неповиновения по Ролзу // *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2013. № 4 (52). С. 43–47.
9. Новгородцев П. И. Право и нравственность // *Правоведение*. № 6. 1995. С. 103–113.
10. Проблемы общей теории государства и права / под ред. В. С. Нерсесянца. М.: Норма, 2006. 813 с.
11. Ролз Дж. Теория справедливости. М.: URSS, 2010. 534 с.
12. Теория государства и права: учебник / под ред.: Н. И. Матузова, А. В. Малько. М.: Юрист, 2004. 512 с.
13. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. М.: Весь мир, 2011. 336 с.
14. Шавеко Н. А. Категорические правовые принципы в эпоху постмодерна. Интервью с профессором Отфридом Хёффе // *Кантовский сборник*. 2018. № 1. С. 62–73.
15. Шершеневич Г. Ф. Избранное: В 6 т. Т. 4. М.: Статут, 2016. 752 с.
16. Элементарные начала общей теории права: учеб. пособие для вузов / под общ. ред. В. И. Червонюка. М.: КолосС, 2003. 544 с.
17. Blaakman M. Civil disobedience in a distorted public sphere // *Krisis*. 2012. Iss. 3. P. 27–36.
18. Brownlee K., Delmas C. Civil Disobedience // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Edward N. Zalta (ed.). 2017. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/civil-disobedience/>
19. Lai T-H. Justifying Uncivil Disobedience // *Oxford Studies in Political Philosophy*. Vol. 5. 2019. P. 90–114.
20. Raz J. *The Authority of Law: Essays on Law and Morality*. Oxford, 1979. 292 p.
21. Suber P. Civil disobedience // *Philosophy of Law: An Encyclopedia* / Ed. Christopher B. Gray. Garland, 1999. Vol. 1. P. 110–113.

REFERENCES

1. Alekseev S.S. *Sobraniye sochineniy: v 10 t. T. 9*. [Collected works in 10 volumes, volume 9]. Moscow, Statute Publ., 2010, 495 p. (in Russian)
2. Alekseev S.S. *Teoriya prava*. [The theory of law]. Moscow, BEK Publ., 1994. 224 p. (in Russian)
3. Apresian R.G. *Grazhdanskoe nepovinoenie - v politicheskoi teorii i sotsial'noi praktike (Dzhon Rolz i Mokhandas Gandi)* [Civil Disobedience-in Political Theory and Social Practice (John Rawls and Mohandas Gandhi)]. *Nasilie i nenasilie: Filosofii, politika, etika* [Violence and nonviolence: Philosophy, Politics, Ethics]. Moscow, Independent Radio Broadcasting Foundation, Open Society Institute (Soros Foundation) Publ., 2003, pp. 54-70. (in Russian)
4. Grishchenko L.L., Gladkikh V.I. *O sovremennykh printsipakh pravovogo obespecheniya okhrany obshchestvennogo poriadka i obshchestvennoi bezopasnosti* [On modern principles of legal support for the protection of public order and public safety]. *Vestnik*

5. *GUU* [Bulletin of the State University of Management], 2013, no. 8, pp. 132-137. (in Russian)
5. Dworkin R. *O pravakh vserez'ez*. [Taking rights seriously] Moscow, ROSSPEN Publ., 2004, 392 p. (in Russian)
6. Il'in I.A. *Pochemu my verim v Rossiiu: Soch.* [Why do we believe in Russia: collection of works]. Moscow, Eksmo Publ., 2007, 909 p. (in Russian)
7. Kapustin B.G. *Moral'nyi vybor v politike* [Moral choice in Politics] Moscow, Moscow University Publ., 2004, 496 p. (in Russian)
8. Mirovich A. *Ogranicheniia i nesostoiatel'nost' kontseptsii grazhdanskogo nepovinoeniia po Rolzu* [Limitations and inconsistency of the concept of civil disobedience according to Rawls]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University], 2013, no. 4 (52), pp. 43-47. (in Russian)
9. Novgorodtsev P.I. *Pravo i nrvstvennost'*. [Law and morality]. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 1995, no. 6, pp. 103-113. (in Russian)
10. *Problemy obshchei teorii gosudarstva i prava* [Problems of the general theory of state and law]. Pod red. Nersesians V.S. Moscow, Norm Publ., 2006, 813 p. (in Russian)
11. Rawls J. *Teoriia spravedlivosti*. [A theory of justice]. Moscow, URSS Publ., 2010, 534 p. (in Russian)
12. *Teoriia gosudarstva i prava: uchebnik* [The theory of law]. Pod red. N.I. Matuzov, A.V. Mal'ko. Moscow, Jurist Publ., 2004, 512 p. (in Russian)
13. Habermas J. *Mezhdur naturalizmom i religiei*. [Between naturalism and religion]. Moscow, The whole world Publ., 2011. 336 p. (in Russian)
14. Shaveko N.A. *Kategoricheskie pravovye printsipy v epokhu postmoderna. Interv'iu s professorom Otfridom Kheffe* [Categorical legal principles in the postmodern era. Interview with Professor Otfried Hoeffe]. *Kantovskii sbornik* [Kantian Journal], 2018, no. 1. pp. 62-73. (in Russian)
15. Shershenevich G.F. *Izbrannoe: V 6 t. T. 4*. [Selected works in 6 vol.: vol. 4]. Moscow, Statute Publ., 2016, 752 p. (in Russian)
16. *Elementarnye nachala obshchei teorii prava: ucheb. posobie dlia vuzov* [Elementary principles of the general theory of law]. Pod obshch. red. V.I. Chervoniuka. Moscow, Colossus Publ., 2003, 544 p. (in Russian)
17. Blaakman M. *Civil disobedience in a distorted public sphere*. *Krisis*. 2012. Iss. 3, pp. 27-36.
18. Brownlee K., Delmas C. *Civil Disobedience. The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Edward N. Zalta (ed.). 2017. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/civil-disobedience/>
19. Lai T-H. *Justifying Uncivil Disobedience. Oxford Studies in Political Philosophy*, vol. 5, 2019, pp. 90-114.
20. Raz J. *The Authority of Law: Essays on Law and Morality*. Oxford, 1979. 292 p. (in English)
21. Suber P. *Civil disobedience. Philosophy of Law: An Encyclopedia*. Ed. Christopher B. Gray. Garland, 1999, vol. 1, pp. 110-113.

Статья поступила в редакцию 09.06.2021; одобрена после рецензирования 10.10.2021; принята к публикации 16.02.2022
Received on 09.06.2021; approved on 10.10.2021; accepted for publication on 16.02.2022

Шавеко Николай Александрович – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, Удмуртский филиал Института философии и права Уральского отделения РАН (Россия, 426034, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4), ORCID: 0000-0002-5481-7425, ResearcherID: K-4637-2018, e-mail: Shavekonikolai@gmail.com

Shaveko Nikolai Aleksandrovich – Candidate of Juridical Sciences, Senior Researcher, Udmurt Branch of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (4, Lomonosov st., Izhevsk, 426034, Russian Federation), ORCID: 0000-0002-5481-7425, ResearcherID: K-4637-2018, e-mail: Shavekonikolai@gmail.com